

© 1992 г. РЯБЦЕВА Н.К.

МЕНТАЛЬНЫЕ ПЕРФОРМАТИВЫ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

"Разуму труднее погружаться в самого себя, чем идти вперед"

Лаплас

Теория речевых актов возникла благодаря открытию перформативных высказываний. Это тип автореферентных предложений с нестандартным соотношением между высказыванием и действительностью; они истинны в силу факта их произнесения. Сказать *Обещаю, Отказываюсь, Благодарю, Ухожу в отставку* значит выполнить одноименное действие и продемонстрировать целенаправленное поведение [1, 2] и др.). Это поведение связано с определенной социальной ролью, нормами поведения, общепринятыми церемониями или конвенциями (ср. термин "перформативные неудачи" в [1, с. 35]), поэтому такие перформативные высказывания было бы более точно назвать социологизированными перформативными речевыми актами. Тогда станет очевидным факт, что под эту квалификацию подпадают не все перформативные высказывания. В речевом акте можно выполнить не только социальное ("ритуальное") действие (ср.: *Объявляю митинг открытым*), но и ментальное, например, *выдвинуть гипотезу, ввести понятие, обосновать теорию, дать определение* и т.п.

Теории ментальных речевых актов пока нет, хотя ясно, что высказывания вида *Напомню, что (речь идет об отождествлении имен, не связанных синтаксически), Допустим, что (сопротивление воздуха равно нулю)* суть акты напоминания и допущения, относящиеся не к поведению, а к размышлению, и что это тип предложений с нестандартным соотношением между высказыванием и мышлением, а не действительностью. *Прийти к выводу, извлечь следствия, построить доказательство, сделать допущение* и подобные им (рече)мыслительные действия сходны с ростиновскими экспозитивами, о которых он писал: "... они невероятно многочисленны и важны, их легко причислить к другим классам, хотя есть в них в то же время некая уникальность, в которой я даже самому себе не отдаю ясного отчета" [1, с. 120]. Эта уникальность состоит в том, что подобные ментальные действия должны быть вписаны не в социальное поведение, а в "когнитивное", т.е. в рассуждение, в интенциональный (эпистемический) контекст.

Такие фразы, как *Отвлечемся (от параметра Р), Определим (трансформации как такие преобразования лексем, при которых Р), Вернемся (к пропозициональной семантике)* и им подобные, мы будем называть ментальными перформативными высказываниями, или просто ментальными перформативами. (Ментальными перформативами удобно также называть сами глаголы, выполняющие роль сказуемого главного предложения в таких высказываниях. Эта омонимия легко снимается контекстом). Анализ ментальных перформативов естественнее всего проводить на материале научных текстов. Они являются в большей степени, чем какие-либо другие, рассуждениями.

Научный текст используется в лингвистике больше как материал, чем объект исследования. Он обычно изучается в стилистическом или в терминологическом плане. Не менее важным может стать когнитивный подход, задача

которого — анализ воплощения в научном тексте мыслительных действий познающего субъекта.

Ментальные перформативные высказывания отличаются от "традиционных", социальных перформативов грамматической формой, составом формирующих их глаголов, сферой употребления и функциями, выполняемыми в дискурсе.

1. Грамматические формы и состав ментальных перформативных высказываний

1. Перформативные формулы. Каноническая форма перформативного высказывания — со сказуемым в 1 л. ед. ч. наст. вр. актива индикатива (например, *Я советую Вам посмотреть этот спектакль*) — не характерна для научного дискурса, ср.: **Настоящим я объявляю гипотезу проективности несостоятельной*. В нем сложились свои стандартные формулы (значение которых, однако, совпадает с каноническим):

(1) с глаголом не в настоящем, а в будущем времени и чаще всего во мн. ч., ср.: *Назовем/Будем называть ("Я называю") эту переменную "актант"; Перейдем ("Я перехожу") к анализу последнего примера; Условимся понимать под переводом процесс Р;*

(2) с глаголом, подчиненным модальному слову, ср.: *В связи с этим следует подчеркнуть ("Я подчеркиваю"), что понятие аномалии не вполне симметрично в своем отношении к говорящему и слушающему; Прежде чем предлагать собственное решение, необходимо сделать замечание ("Я делаю замечание"), что Р;*

(3) в качестве варианта модального слова может выступать предикат рациональной оценки или психологической установки, ср.: *Полезно помнить ("Я напоминаю"), что Р; Нелишне повторить ("Я повторяю"), что Р; Стоит подчеркнуть ("Я подчеркиваю"), что Р; Компоненты первого класса удобно назвать ("Я называю") конструктивными компонентами*. Аналогичные конструкции характерны и для "социологизированных" перформативов, только вместо предикатов рациональной оценки в них, как правило, используются предикаты внутреннего (эмоционального) состояния, ср.: *Рад сообщить / Счастливы поздравить / С сожалением признаю, что Р;*

(4) с деепричастным оборотом, ср.: *Соглашаясь ("Я соглашаюсь") с этим мнением, укажем, что оно верно для ограниченного круга конструкций; Называя это явление х-ом, мы имеем в виду Р; Принимая ("Я принимаю") эту концепцию в целом, оговоримся, что Р; Резюмируя проведенное выше обсуждение, отметим, что можно различать три следующих типа валентностей...;*

(5) с безличными конструкциями, ср.: *Представляется, что Р; Теперь становится ясно, что Р; Имеются в виду ("Я имею в виду") синонимические конструкции*.

Перечисленные грамматические варианты перформативных высказываний в научном изложении нейтральны. В социологизированной же речи они, напротив, маркированы как более официальные, "церемониальные", вежливые и т.п. [1, с. 60]. Важно, что значение всех перформативных формул неизменно: "... когда перформативы употребляются в формах будущего времени или сослагательного наклонения, они не имеют никаких собственных значений этих форм" [3, с. 215]. Это обусловлено тем, что "перформативным является любое высказывание, произнесение которого говорящим равносильно однократному выполнению действия, обозначенного в этом высказывании группой сказуемого" [3, с. 219].

2. Состав ментальных перформативных высказываний. Состав группы сказуемого в ментальных перформативах также имеет свою специ-

фику. В зависимости от состава группы сказуемого все перформативные высказывания распадаются на три вида:

(1) группа сказуемого не способна ни свертываться, ни распространяться (часто выражается фразеой), например: *Подую в отставку, Прошу слова* и т.п. Соответствующие перформативные высказывания связаны с церемониями, ритуалами, нормами поведения и т.п.;

(2) группа сказуемого способна и распространяться, и свертываться, например: *Прошу прощения (что заставил всех ждать), Клянусь (что никогда не буду писать стихов)*. Соответствующие перформативные высказывания часто связаны с диалогом и выполняют в нем роль ответных реплик — реакций на предыдущий (речевой) акт. Их эллиптичность компенсируется речевым или прагматическим контекстом, ср.: — *Прощаю*; — *Возражаю*; — *Сочувствую*; — *Поздравляю*; — *Согласен*;

(3) группа сказуемого не допускает сворачивания, ср.: **Советую, *Объявляю, *Объясняю, *Желаю*. В нее входит глагол пропозициональной установки с обязательной сентенциальной (пропозициональной) валентностью (семантической и/или синтаксической), которая должна быть заполнена. Соответствующие перформативные высказывания содержат сентенциальный аргумент (например, номинализацию), без которого они неполны, точнее, "недействительны".

Специфика ментальных перформативных высказываний заключается в том, что в состав их группы сказуемого входит, как правило, предикат, выполняющий роль пропозициональной установки. Он вводит эксплицитный сентенциальный компонент — такой, что может составить самостоятельное высказывание, например: *Назовем эту переменную актантом* = "эта переменная — актант". Причем этот компонент часто состоит не из одного, а нескольких (или даже большого количества) высказываний (ср. такие интеллектуально-действия, как выдвижение гипотезы, обоснование вывода, введение понятия, доказательство, приведение фактов, резюмирование и мн. др., составляющие элементы рассуждения).

Это свойство не столь уж и уникально. Содержание, например, клятвы тоже может состоять и из одной фразы, и из целого текста (или одного *Клянусь*). Различие же в том, что вторая граница — конец перформативного высказывания — у клятвы или другого "социального" акта более очевидна, чем у ментальных перформативов. Ведь последние составляют лишь часть рассуждения, а в нем эксплицитно помечаются и разграничиваются не все логические шаги.

В ментальных перформативах распространенный сентенциальный аргумент часто разбивается на несколько предложений, а вводящая их фраза содержит слово *следующий* (ср. в "социальных" речевых актах употребление слова *настоящий*: *Настоящим уведомляю, что Вы уволены*) и заканчивается точкой или двоеточием, ср.: *Приведем следующие примеры: А, В, С; Мы приходим к следующим выводам. А. В. С.* Например, *В категорию т-терминов целесообразно включить ("Я включаю") еще один класс терминов. Это термины типа: свойства, отношения...* Причем без второй части (*А, В, С*) такой ментальный акт будет "недействительным". Кроме того, в состав ментального перформатива могут входить высказывания, выраженные особыми семиотическими средствами: формулами, таблицами, графиками и т.п., представляющими собой закодированный текст, ср.: *Произведем следующие расчеты: А; В; С; Эти данные можно представить в виде таблицы, см. Таблицу 1* ($\approx$ "Я представляю эти данные в виде таблицы: Т / Вот эта таблица: Т").

Такое подробное описание состава ментальных перформативов вызвано тем, что без учета всего относящегося к ним текста и характера контекста-рассуждения невозможна их идентификация. Так, высказывания вида *Рассмотрим второй пример, Сравним эти две формулы, Представим полученные данные в виде таблицы* могут быть восприняты как дескриптивные, а не перформ-

мативные. О том, что семантические пропозициональные валентности в этих высказываниях не заполнены, свидетельствует то, что после них можно поставить двоеточие, и то, что эти фразы нельзя поместить в конец текста: они не самостоятельны. Похожие на них неперформативные высказывания требуют последующего или одновременного физического, а не речевого действия, ср.: *Рассмотрим этот вопрос: Р — Рассмотрим эту картину; Перейдем к следующему примеру: Р — Перейдем в следующий зал; Сравним эти две формулы: Р — Сравним размеры этих карандашей.* Для первых примеров в этих парах естествен речевой контекст (рассуждение), для вторых — "предметный" — с настоящими картинами, залами, карандашами, на которые будет направлено соответствующее физическое действие. Вне такого предметного контекста эти фразы не могут быть произнесены. Противопоставленные им фразы вписаны в интенциональный контекст — они означают не физическое, а интеллектуальное действие с объектами, содержащимися в них самих, поэтому эти фразы можно произнести и, соответственно, проделать указанные ментальные операции независимо от предметных условий. Напротив, сказать *Шах!* не значит создать соответствующую игровую ситуацию, а создание соответствующей комбинации фигур на шахматной доске может и не сопровождаться этим высказыванием (ср. [3], а также расширение состава перформативных формул за счет учета интонации и [4]).

Забегая несколько вперед, отметим, что употребляемые в переносном — "интенциональном" — значении глаголы, обозначающие в прямом значении физические или перцептивные действия, приобретают и новые грамматические свойства, в частности, валентность на пропозициональный акцент, ср.: *Отметим уровень воды* = "поставим (физически) метку" — *Отметим, что (мы говорили здесь не о закономерностях, а о тенденциях)* = "выделяем мысленно"; ср. еще: *подчеркнуть карандашом* — *подчеркнуть, что; выдвинуть ящик стола* — *выдвинуть гипотезу* (как минимум произнести ее). Поэтому слова *рассмотрим, перейдем, сравним* в приведенных выше парах имеют разные значения и грамматические свойства.

Учет контекста важен еще в одном отношении. Многие перформативные высказывания вне контекста рассуждения также воспринимаются как дескриптивные, например: *Эту идею следует считать (плодотворной); Имеются в виду (синонимичные конструкции); Представляется, что Р, Следует помнить / Легко убедиться, что Р; Можно привести пример; Х можно рассматривать ("считать") как Y* и мн. др. Это объясняется их составом: глаголы *считать, помнить, рассматривать как, представлять себе, видеть* и др. стативны; модальная рамка в таких высказываниях неоднозначна; в состав таких формул могут входить слова типа *обычно, всегда, в таких случаях, вообще говоря, часто* и пр. Но в контексте рассуждения такие высказывания могут обозначать логический шаг, смену (изменение) ментального состояния, "текущую интеллектуальную операцию" (см. об этом ниже) и потому приобретают смысл действия — элемента рассуждения. В этом случае в их состав могут входить показатели дейксиса к текущему шагу рассуждения — со значением "на данном этапе рассуждения": *здесь, теперь, сейчас* и т.п.; такие высказывания употребляются перформативно, ср.: *Мы исходим (обычно/всегда vs. в данном случае) из того, что лексическая система в известном смысле повторяет эволюцию природы...; Здесь следует помнить [≈ "Настоящим напоминаю"], что Р vs. Всегда следует помнить, что Р; Можно сделать вывод [вообще] vs. Можно теперь сделать вывод [≈ "Я делаю вывод"], что различать и фиксировать в языке представления знаний, типы референции имен нет необходимости* (Рубацкин).

Таким образом, по отношению к ментальным перформативным высказываниям справедлив вывод Ю.Д. Апресяна о том, что "...перформативная формула имеет приоритет перед перформативным глаголом. Поэтому в сос-

таве таких формул перформативными становятся и другие глагольные формы и даже неглагольные лексемы" [3, с. 211]¹. По сравнению с социологизированными перформативными высказываниями в состав ментальных может входить гораздо более широкий круг глаголов.

3. Классы глаголов, способные формировать ментальные перформативные высказывания. Глаголов, обозначающих физические действия, в словаре на несколько порядков больше, чем обозначающих собственно мыслительные операции. Вероятно, это вызвано тем, что последние не даны человеку "в ощущениях" (непосредственно не наблюдаемы и не "испытываемы") и потому трудны для фиксирования и изучения. К глаголам, описывающим собственно ментальные операции, относятся: *вспомнить, вычислять, запоминать, классифицировать, обобщать, отождествлять, осмысливать, характеризовать, представлять, соотносить, резюмировать, учитывать, думать, анализировать, систематизировать* и др.

Многие мыслительные действия описываются глаголами, которые в прямом значении не обозначают ментальных операций, но каким-то образом с ними связаны — это иллокутивные глаголы, глаголы (перцептивного) восприятия, а также обозначающие "семиотические" действия, ср.: *возразить, оспорить, отвергнуть, согласиться, оговориться, усматривать, взглянуть, выделить, подчеркнуть* и т.п.

Подавляющее большинство выражений, описывающих интеллектуальную деятельность, построено метафорически. Неявная и почти не осознаваемая метафоризация вообще чрезвычайно свойственна человеческому осмыслению мира ненаблюдаемых сущностей [5], а такие объекты, как идеи, мысли, гипотезы, допущения, представления, — наверное, самые "ненаблюдаемые". С лингвистической точки зрения человек обращается с ними, как с физическими предметами, ср.: *подать идею, прийти к мысли, построить доказательство, выдвинуть гипотезу, ввести понятие*.

Значение многих "физических" глаголов (т.е. обозначающих физические действия) способно проецироваться на мыслительную сферу и описывать интенциональные операции. Примечательно, что глаголы со значением "проводить научное исследование" типа *рассматривать, исследовать* (ср. *след*), *показывать* и др. также "произошли" от глаголов перцептивных и физических действий; ср.: *рассматривать фотографию* (= глазами) — *рассматривать проблему* ("мысленно"), *показать дорогу* (рукой) — *показать, почему* (референция не равна смыслу) (= "объяснить").

Как уже отмечалось, приобретая новое — интенциональное — значение, глаголы изменяют и свои грамматические свойства: они обретают способность подчинять пропозициональный аргумент и/или его номинализации — "интенциональные переменные" типа *мысль, идея, гипотеза, доказательство, прогноз, концепция, понятие, рассуждение, вопрос* и т.п. (ср. **переставить мысли, *сгнуть вопрос*). Значения таких глаголов в интенциональном контексте приближаются к лексическим функциям (параметрам) в смысле [6], "взятым" от интенциональных переменных, с которыми они образуют устойчивые словосочетания, например, *прийти к выводу, построить теорию, выдвинуть гипотезу, привести аргументы, подкрепить фактами* и т.п.

Метафорический способ концептуализации ментальных явлений (как и эмоциональных, ср. [7, с. 93—110]) приводит к формированию "парадигм", в рамках которых мыслительная деятельность репрезентируется то как разнообразные механические действия, то как биологический или химический процесс, то как работа компьютера ("компьютерная метафора"), ср.: *выдвинуть ги-*

¹ Ср.: *Прения!* ≈ "Объявляются прения", *Пример: Р* ≈ "Привожу пример: Р"; *Пари!* ≈ *Держу пари*, *Мораль: Не зная броду, не лезь в воду* ≈ "Вывожу мораль: Р"; *Объявление: Концерт переносится на 20 ч.* ≈ "Объявляю: Р".

потезу — подкрепить фактами — построить доказательство — прийти к выводу; генерировать идеи; плодотворная гипотеза; ассимилировать мысль, зафиксировать в памяти. Из такого положения дел, вообще говоря, вытекает целый ряд следствий [8]. Здесь важно следующее: на количество таких парадигм не наложены ограничения. Соответственно, практически любой глагол, в метафорическом употреблении приближающийся по значению к лексическому параметру от "интенциональной переменной", может войти в состав ментального перформативного высказывания. Поэтому список глаголов — ментальных перформативов вряд ли можно исчерпывающе задать.

Ниже приводятся классы глаголов, способных формировать ментальные перформативные высказывания, наиболее характерные перформативные формулы и примеры из научных текстов (для экономии сокращенные; разрядкой нами выделены ментальные перформативы).

(1) Иллокутивные глаголы (собственно перформативы): (Следует) оговориться, уточнить, возразить, оспорить, отвернуть, признать, согласиться, прокомментировать, осудить, ответить (Р/что Р); Выкажем следующее предположение: Р; Для Р предложим следующую формулировку: В; Упомянем (для сравнения), обсудим, добавим, дополним (этот результат: Р/ что Р); Прочитываем Р: "А"; Выразим эту мысль иначе: Р; Назовем (Условимся называть) х "Р"; Договоримся (использовать термин Т только в узком, значении); Мы подтверждаем эту точку зрения; От этой идеи следует отказаться; Признаем эту мысль справедливой. Примеры: "Итак, подводя итоги, можно утверждать, что реалистическая точка зрения на природу пропозициональных денотатов имеет определенные перспективы..."; "С этой точки зрения правомерно поставить вопрос так: каков денотат термина "мысль"» (Переверзев); "К сказанному добавим, что задача изучения содержания книги, статьи и т.п. ... на самом деле выходит за пределы собственно библиографии"; "Приступая к характеристике анкетных методов, уточним, что они подразделяются на два вида: адаптивные и позиционные" (Леонов).

(2) Собственно ментальные глаголы: Обоснуем, определим, суммируем, напомним, постулируем, проанализируем, охарактеризуем Р; Следует помнить / Не следует забывать (= напоминание), учитывать, иметь в виду, что Р; Под Р мы понимаем С ($\approx$ "давать определение"); Подумаем, следует ли Р; Можно убедиться, что Р: А / помыслить три возможности: А, В, С; Сравним примеры А, В, С: Р; Резюмируя / заключая, Р; Запомним значение этой переменной; Приходим к выводу / заключению, что Р; Вычислим Р: А, В, С. Примеры: "Можно думать ("Я выражаю мнение)", что в подобных случаях единственным адресатом остается некий неопределенный "наадресат"; "Если принять во внимание (= "Я принимаю во внимание") мнение ряда лингвистов о происхождении славянского повелительного наклонения из опатива, то можно заключить ("Я заключаю"), что это значение в поэтической речи постоянно возрождается в форме повелительного наклонения" (Ковтунова).

(3) "Миропорождающие" предикаты: Допустим, предположим, представим, вообразим, положим, что Р; Будем считать, что Р. Примеры: "Можно предположить, что оценочные структуры с прилагательными находятся на грани двух сфер — семантики и прагматики. Исходя из этого..." (Вольф); "Допустим, что указание на процессуальность в толкование перформативов не входит" (Апресян).

(4) Перцептивные глаголы (и глаголы, связанные со зрительным восприятием): Покажем, продемонстрируем, рассмотрим (, что) Р: А, В, С; Здесь мы усматриваем Р; (Это определение) следует пересмотреть: Р; Осветим этот вопрос более подробно: А. В. С; Этот вопрос можно прояснить следующим образом: Р; Заметим (попутно), что Р; Взглянем на этот вопрос иначе: А. В. С. Примеры: "Заметим, что в этих метафорах осуществляется

перенос номинации по некоторым внешним признакам предметов"; "Проследившая употребление термина *словообразовательное гнездо*, мы видим, что он притягивает к себе слова той же лексической и семантической сферы. Появляются термины *гнездовой...*; *родственный...*" (Никитина).

(5) "Семантические" глаголы: *Следует отметить, подчеркнуть, выделить (мысль о том), что Р* (ср. *выделенный шрифт*); *Обозначим х "Р"*. Примеры: "Пользуясь этим обозначением, мы можем записать (8) в следующей символической форме: (х) S (х)" (Столл); "Подчеркнем еще раз, что эту иллюкутивную функцию *знать* имеет только при условии управления придаточным предложением, вводимым союзом *что*" (Апресян); "Укажем некоторые факты. (1)...(10)" (Падучева).

(6) Фазисные (инцептивные и др.) глаголы: *Начнем с того, что Р; Займемся теперь Р: А, В, С; Приступим к (тому, что) Р; Перейдем к объяснению Р: А, В, С; Ограничимся (указанием на то, что) Р; Закончим / завершим исследование тем, что Р; Вернемся к определению А: Р*. Примеры: "Приступая к характеристике анкетных методов, уточним, что они подразделяются на два вида: адаптивные и позиционные" (Леонов); "Переходя к другим возможностям, заметим, что словосочетания *высокий человек — человек высокого роста* не во всем подобны словосочетаниям *красный ящик — ящик красного цвета*"; "Возвращаясь к рассматриваемой работе, отметим в заключение, что в ней был впервые поставлен вопрос о словарях анализа и синтеза" (Апресян).

(7) "Физические" глаголы (глаголы, в прямом значении обозначающие физические действия, а в переносном приближающиеся к лексическим параметрам от "интенциональных переменных" — *идея, мысль, гипотеза, вывод* и т.п.): *ввести* (понятие, соглашение, термин, обозначение и др.), *выдвинуть* (гипотезу, предположение, мнение, пр.); *извлекать* (следствие, мораль, вывод и др.); *построить* (теорию, рассуждение, доказательство, определение, модель, схему, таблицу и др.); *делать* (вывод, заключение, предположение, прогноз и др.); *прийти* (к выводу, мысли, заключению и др.); *обратить* (внимание, взгляд); *обратиться* (к фактам, мыслям, истории и др.); *получить* (вывод, результат, доказательство, свидетельство и др.); *задаться* (вопросом); *подвести* (итог, черту); *принять* (мысль, взгляд, точку зрения, идею, доказательство, определение, постулат и др.); *предложить* (определение, доказательство, решение вопроса, формулировку, толкование, интерпретацию и др.); *внести* (предложение, уточнение и др.); *привести* (факты, аргументы, примеры, доказательство, определение, рассуждение, интерпретацию и др.); *Подложим в основу (наших рассуждений) сведения о том, что Р*; *Подойдем к этой проблеме с другой стороны: Р*; *Выберем второй путь анализа Р*; *Воспользуемся методом Р: А*; *Введем элемент К (в предложение Р: А)*; *Поддерживая эту мысль, отметим, что Р*; *Разберем пример (ответ, аргументы, доказательство Р): А, В, С*; *Оставим (пока) этот вопрос открытым (в стороне тот факт, что Р)*; *Будем исходить из предположения, что Р*; *Подкрепим наш вывод следующими аргументами: А, В, С*; *Сосредоточим наше внимание на Р: А, В, С*; *Уделим особое внимание Р: А, В, С*. Примеры: «Существенно обратить внимание на то, что квантификация при помощи *все/весь* оказывается успешной, только если "объемлющее" множество известно адресату речи» (Булыгина, Шмелев); "Мы введем строчные латинские буквы $x_1, x_2...$ в качестве специальных, ограниченных множествами, переменных" (Мендельсон).

Перечисленные характеристики ментальных перформативных высказываний — формулы, состав и типы глаголов — не являются специфической чертой рассуждения на русском языке. Аналогичные высказывания используются в научных текстах на других языках, ср. английские примеры: *It may be added that Р*; *Next, let us consider Р*; *Consider this sentence: Р*; *Suppose, someone*

says P; It may well be admitted that P; Now, since the supposition A cannot be disconfirmed, we now see that it was wrong to assume that P; Rather, we would assume that P; We immediately realize that P; To see this, we only have to imagine P; First, let us assume that P; Let us proceed to consider the notion P; I conclude from this that P; Ignoring Q, we may propose: P; It is good to add that P; It must be added that P; Next, let us proceed to discuss the question P; At this point it may be useful to offer an analogy: P; Finally I wish to emphasize that P; To sum up the argument of the previous paragraph, P; It has become clear by now that P.

II. Роль ментальных перформативов в структуре рассуждения

Ментальные перформативы — один из наиболее "чистых" метатекстовых компонентов научного дискурса. Этот факт неоднократно отмечался (Лич, Вежбицка, Апресян и др.). Но их роль не ограничивается "пометками на полях" или комментариями к тексту [9, с. 403]. Помимо метатекстовой, на них лежит, в первую очередь, риторическая нагрузка, связанная с организацией структуры рассуждения. Поэтому, вопреки ожиданиям, эти пометки нельзя "стереть".

1. Перформативная схема научного текста. Научный текст (рассуждение) имеет свой "сюжет". В нем есть "завязка" — начало, вводная часть, "развитие сюжета" — экспозиция — различные и разнообразные логические ходы, шаги, переходы, возвраты, отступления от главной линии рассуждения, полемика, аргументация, уточнения и т.п. "Кульминация" — заключительная часть — это выводы, итоги, окончательные суждения о результатах. Такие логические шаги можно сравнить с событиями, а переход от одного "события" к другому — с поворотом сюжета. Все составляющие "сюжета" могут помечаться, и часто помечаются, ментальными перформативными высказываниями.

"Завязка сюжета" обычно предполагает введение объекта научного исследования (предмета, явления, свойства, отношения и пр.) и соответствующих конвенций, т.е. исходных соображений, договоренностей об используемых терминах; постулатов, допущений, сокращений и т.п. При этом производится идеализация объекта и абстрагирование некоторого его свойства А, относительно которого делается предположение, например, о его существенности. Рассуждение начинается, таким образом, с установления связи между объектом и мыслями о нем. Ср.: *Начнем с того, что сформулируем некоторые исходные представления о Р: А, В, С; Под Р будем понимать...; Будем использовать символы А, В, С для обозначения Р₁, Р₂, Р₃; Возьмем в качестве примера высказывание Р; условимся обозначать "бесконечное число" константой с; Будем считать сопротивление воздуха несущественным.* Завершает этот этап рассуждения или вопрос, указывающий на предмет исследования, или собственно формулировка предмета (цели, задачи, проблемы исследования): *Охарактеризуем (Опишем, Рассмотрим) объект Р как систему (в его функциях, с точки зрения его структурных свойств).* Ср.: *Речь пойдет об освобождении логики от приписываемых ей претензий на принудительный характер ее законов* (Белянин).

Собственно "развитие сюжета" складывается из многочисленных "событий" — операций над мыслями об объекте, которые выстраиваются в линию его "идеальной жизни". Высказывается некоторая гипотеза, например, относительно его свойства А, и далее она уточняется, раскрывается, обосновывается, отвергается и т.п. Переход от одной мысли к другой осуществляется при помощи "интенциональных переменных": *мысль, идея, соображение, предположение, понятие, суждение; теория, определение, объяснение, взгляд, точка зрения,*

противопоставление, правило, замечание, сомнение, вопрос, интерпретация и мн. др. [Они, правда, могут опускаться, если эксплицитно выражен соответствующий им пропозициональный аргумент, ср.: *Подчеркнем (мысль о том), что педагог...*] Их вводят, рассматривают, высказывают, цитируют, отвергают, уточняют, поддерживают, формулируют, излагают, доказывают, объясняют, обсуждают, обосновывают, развивают, принимают, переформулируют, пересматривают и пр. При этом используются специальные ментальные "инструменты" — доводы, подтверждения, факты, аргументы, примеры, данные экспериментов, свидетельства и мн. др. На них ссылаются, их приводят в поддержку своих мыслей или в опровержение чужих соображений.

Таким образом строится система доказательства гипотезы относительно свойства А. Важными компонентами этой системы будут акценты, уточнения, возвраты, отступления и т.п. Большинство таких "событий" вводятся ("свершаются") ментальными перформативными высказываниями; ср.: *Ниже мы предлагаем две гипотезы... Мы исходим из предположения, что при построении текста...; Для выяснения Р предлагается следующая простая гипотеза: А. В. С.; Заметим, что сформулированная выше гипотеза предполагает последовательность анализа, обратную той, что обычно имеется в виду* (Рубашкин).

"Развязка" сюжета наступает, когда автор высказал все свои аргументы и формулирует окончательные результаты проведенного исследования — заключения, выводы, итоги, относительно (не)верности своей гипотезы. Установление этого факта — и есть то новое знание (или мнение), которое может далее применяться на практике, служить "инструментом" в других исследованиях или, напротив, подвергнуться критике.

Общую прототипическую "перформативную" схему рассуждения можно представить следующим образом; "Рассмотрим объект Х : Р₁. — Зададимся вопросом, обладает ли он свойством А. — В качестве предварительного ответа выскажем соображение Р₂. — Приведем следующие аргументы: Р₃. — Таким образом, мы убеждаемся, что объект Х обладает свойством А (что данный нами ответ верен)". Эту схему нельзя, конечно, понимать буквально. Реальное рассуждение намного сложнее. Она отражает только главное — что рассуждение имеет некоторый "сюжет" и что в нем выделяется цепь взаимосвязанных "событий".

Рассуждение отличается от обычного описания событий тем, что излагаемые в нем "события" являются не результатом воспоминаний или воображения автора (например, как в художественной литературе), а проделываемыми им интеллектуальными операциями. Но идеи, мысли, соображения и результаты, излагаемые в научном тексте, были сформулированы автором до того, как он написал окончательный текст своего труда. Однако изложенный в форме рассуждения, такой текст приобретает уникальное свойство: его "сюжет" развивается по мере "поступления" (предъявления) текста. Этот эффект вызван тем, что в рассуждении сюжетное время и повествовательное время совпадают. В этом отношении рассуждение и его сюжет сходны с музыкальным произведением: "Максимальное сближение повествовательного времени и сюжетного времени происходит при изображении интеллектуальных и эмоциональных процессов... Сходство речевого произведения с музыкальным здесь особенно велико; оно обусловлено совпадением объекта отражения — внутреннего мира человека" [10, с. 11].

Основным средством, при помощи которого производится синхронизация сюжетного и повествовательного времени, являются ментальные перформативные высказывания: каждое событие, вводимое ментальными перформативами, происходит "как бы сейчас", актуализируется. В синхронизации сюжетного и повествовательного времени заключается риторическая нагрузка ментальных перформативов. Организуя рассуждение, они вступают во взаимодействие с дру-

гими средствами, в которых также воплощаются риторические нормы научного общения.

2. Риторические нормы научного общения. "Риторика — это художественно маркированное старательное говорение" [11], цель которого — повысить эффективность общения. "Научному говорению", не в меньшей мере, чем любому другому, для этого требуется взаимопонимание — кооперация. Поэтому риторические нормы научного дискурса также предписывают следовать постулатам речевого общения: информативности, истинности, релевантности и ясности выражения [24]. Но именно в научном тексте следовать этим постулатам особенно трудно, в частности, потому, что условия успешности и нормы научной коммуникации вступают в конфликт друг с другом:

(1) Выражайся как можно более понятно — не считай адресата глупее себя ("максима такта"),

(2) говори аргументированно — не перегружай рассуждение излишними деталями ("максима убедительности");

(3) объясняй все логические шаги рассуждения — не повторяй прописных истин, общих мест и тривиальных выкладок ("максима рациональности");

(4) Выдвигай гипотезы, предположения, объяснения — не высказывай неверифицированных суждений ("максима истинности"); и т.п. (ср. [25, с. 63—68]).

Примирить эти конфликтующие стороны призвана риторическая структура научного текста. Она формируется, когда автор фиксирует (эксплицирует) "повороты" сюжета и их связи приемлемыми для этой цели средствами. Одним из них выступают перформативные высказывания, которые выстраивают содержание ("сюжет") текста в форме рассуждения. Какие еще средства участвуют в этом процессе и как они взаимодействуют? В первую очередь это средства, структурирующие текст, те, что выполняют не только связующую, но и "разделительную" (выделительную) функцию. К ним относятся вопросы, заголовки, подзаголовки разделов текста и/или их рубрикация и нумерация.

И действительно, логический шаг в рассуждении — это как бы ответ на некоторый предшествующий вопрос. Он или предопределен логикой предшествующего "события", или введен в сам текст, "встроен в сюжет".

Риторические средства, структурирующие текст, находятся в тесном взаимодействии. Так, вопрос может входить в состав перформативного высказывания, заменять его или совмещаться с ним в одном контексте, ср.: [*Зададимся вопросом:*] *Не оказывается ли оценка, таким образом, выражением наших желаний?*; *Что стоит за таким убеждением? Я полагаю, что за ним скрыта характерная... гносеологическая установка*¹ (Фрумкина). Заголовок же чаще замещает перформативное высказывание, чем сочетается с ним, ср.: *Перейдем к рассмотрению общих свойств презумпций* (высказывание из текста) — "Общие свойства презумпций" (заголовок раздела). Показательно, что вопросительные и особенно перформативные высказывания часто (точнее, почти всегда) являются зачином абзаца — коммуникативно маркированного средства структурирования текста.

Пронумерованные или помеченные "сигналами очередности" (по Вежбицкой) фрагменты текста, т.е. содержащие метатекстовые слова перечисления (*во-первых, во-вторых* и т.п.) (ср. [12, 13]) — также результат эксплицитного структурирования изложения. Они не только сочетаются с ментальными перформативами (и вопросами), но и могут входить в их состав. Многие перформативные высказывания не просто вводят их, а обязательно содержат такие фрагменты в своем составе — в качестве пропозиционального аргумента, например, *Суммируем (перечислим, выделим, произведем классификацию) Р: 1) А, 2) В, 3) С*; ср.: *Перечислим некоторые методические приемы, используемые при построении тезауруса: 1) введение фиктивных терминов... 2) установление типовых схем определений...; Следует различать по край-*

ней мере два вида языковых *неправильностей*: *неправильность построения и неправильность употребления* (Рубашкин).

Риторические средства организации научного дискурса — ментальные перформативы, вопрос, рубрикация, нумерация и др. (ср. интонацию, шрифты, эмфазу и т.п.) — это способ облегчения восприятия текста. Без них изложение будет недостаточно эксплицитно, и для его интерпретации понадобится больше интеллектуальных усилий (*processibility*, по Дж. Личу).

В таком "риторическом" контексте роль ментальных перформативов в рассуждении еще больше проясняется: это не случайные, а вполне закономерные, прототипические, риторические средства структурирования рассуждения: помимо метатекстовой функции на них лежит также риторическая нагрузка — они входят в сюжет изложения, из которого их нельзя изъять без последствий; взаимодействуя с другими средствами выделения элементов рассуждения, они облегчают восприятие текста адресатом. Более того, они являются средством взаимодействия с адресатом.

III. Ментальные перформативы и фактор адресата

1. Ментальные перформативы и неопределенность научного текста. Неопределенность смысла — важная характеристика дискурса в логическом, референциальном, прагматическом и даже художественном отношении. Так, самой большой смысловой неопределенностью обладает поэтический текст: он имеет неопределенно широкого адресата, благодаря чему диапазон его интерпретации и его "доступность" многократно увеличиваются [14, с. 89]. Р. Барт интерпретирует неопределенность художественного текста следующим образом: "Писать — значит... ставить смысл мира под косвенный вопрос, на который писатель не дает последнего ответа. Ответы дает каждый из нас, привнося в них собственную историю, свой собственный язык, свою собственную свободу... Намек и утверждение, молчание говорящего произведения и слово слушающего человека — таково мерное дыхание литературы" [15, с. 144—145]. И далее: "Что имеется в виду под техникой уклончивого смысла? Писатель умножает значения, оставляя их незавершенными и незамкнутыми... Приемы полагания и ускользания смысла весьма разнообразны" [15, с. 284—285].

По мнению Л. Заде, неопределенность и расплывчатость коммуникации прямо вытекают из неоднозначности естественного языка [16, с. 373], а по мнению И.В. Арнольд — она связана с неполнотой содержания: "В общем виде вербальная неполнота есть одно из проявлений квантования информации. Никакое описание в речи не дает полного описания предмета и всех его свойств, в противном случае коммуникация становилась бы бесконечным процессом... В процессе отражения действительности в речи, искусстве или науке отправитель квантует [континуум действительности на отдельные единицы — кванты. — Р.Н.], а получатель при декодировании восполняет недостающее в соответствии с тем, что дает контекст и его собственный тезаурус" [17, с. 19—20].

Смысловая неопределенность дискурса еще не стала объектом "сквозного" лингвистического анализа (ср. [18, 19]), в отличие, например, от информатики, кибернетики и логики. Так, в информатике исходное понятие информации определяется как средство снятия неопределенности или уменьшения энтропии [20]; в логике на основе формализации понятия смысловой неопределенности был построен язык тернарного описания (ЯТО), при помощи которого были выведены, в частности, 52 вида рассуждений по аналогии, приведших к открытию всех главных законов природы [21], а также произведен подробный разбор проблем референтности, тождественности и мн. др. [22, с. 210—216].

В поэзии смысловая неопределенность создает гармонию эмоциональных

переживаний автора и адресата, в художественной литературе расширяет границы интерпретации текста, в научном дискурсе подразумевает, в частности, возможное незнание.

В отличие от художественного творчества, неопределенность в научном познании не эмоционально, а рационально нагружена. Она необходима в том смысле, что научный текст также предполагает интерпретацию со стороны адресата, и неизбежна, поскольку субъект познания не может быть всезнающим — обо всем судить с полной определенностью или тем более претендовать на носителя истины "в последней инстанции". Говоря более формально, субъект а, знающий (К) нечто (А и В), не обязательно знает и все следствия C_1 из А и В: $K_a(A \text{ и } B) \neq \forall C_1((A \text{ и } B) \supset C_1): K_a(C_1)$. Возможному незнанию C_1 и может соответствовать некоторая неопределенность научного текста. Эта неопределенность "вынужденная" — т.е. связанная с (осознаваемым) незнанием. Кроме того, в тексте может также возникнуть "случайная" неопределенность, обусловленная недостаточно ясным выражением мыслей, связей между ними или их квалификацией. "Видимо, сказать нечто неопределенное психологически значительно легче, чем потрудиться точно, поэлементно обозначить имеющееся или возникающее представление" [23, с. 182]. Неосознаваемая неопределенность изложения имеет прямое отношение к адресату — она затрудняет восприятие текста.

Из анализа перформативных высказываний, проведенного Дж. Личем, следует, что они имеют непосредственное отношение к снятию (неосознаваемой) неопределенности текста. Так, отмечается, что говорящий использует перформатив, только когда он вынужден определить свой речевой акт как принадлежащий к особой категории. Металингвистический характер перформативов — ключ к их сущности. Они сами на себя "навешивают" ярлык и не только эксплицируют иллокутивную силу высказывания, но также и квалифицируют его, уподобляясь *oratio obliqua*. Так, *Садитесь!* может иметь различные и частично неопределенные иллокутивные силы: приглашение, совет, приказ, а *Я приказываю всем сесть* не имеет такой неопределенности. Именно поэтому неверна "перформативная гипотеза", согласно которой любое высказывание имеет в своей глубинной семантической структуре перформатив (см. [18, с. 31—32]). Из этой гипотезы также следует, что экспликация перформатива ничего не прибавляет к высказыванию. Но тогда непонятна ничем не оправданная избыточность языка. Дж. Лич отмечает, что перформативные высказывания — это самоотчет (*self-reporting utterance*): говорящий сам описывает свое речевое действие, снимая тем самым его возможную неопределенность для адресата [25, с. 181—195, 225]. Кроме того, перформативные высказывания описывают ситуации, которые "метаимплицитно" соответствующие ментальные (психологические) состояния субъекта [25, с. 211].

Важное свойство "социологизированных" перформативных высказываний состоит в том, что произносящий их субъект "знает" (чувствует? осознает?), какое именно действие он производит — просьбу, приказ, поздравиение или что-то еще, хотя и не всегда (не обязательно) это эксплицирует, ср.: *До свидания* $\approx$ *Я с Вами прощаюсь*. Кроме того, поведение можно наблюдать.

Интеллектуальные операции не поддаются наблюдению. "Про себя" можно и читать стихи, и делать вычисления. Узнать, чем занят в настоящий момент ум человека, можно, только спросив его об этом. В отличие от поведения, ментальные операции не даны субъекту еще и в "ощущениях". Чтобы установить, какие именно мыслительные операции субъект выполняет, он должен предпринять особые умственные усилия — осознанную рефлексю.

Рассуждение состоит из последовательности мыслительных операций. Проследить за ними со стороны можно, если субъект сам осознает и потому эксплицирует составляющие его логические шаги. Авторефлексивность ментальных перформативных высказываний как раз и заключается в том, что с их

помощью автор производит "самоотчет" и тем самым снимает возможную (обычно неосознаваемую, случайную) неопределенность своего рассуждения. При этом он идентифицирует мыслительные операции, производимые им с содержащимися в его сознании объектами — мыслями (и образами). Так, форма одного и того же высказывания ("мысли") может соответствовать гипотезе, верифицированному или ложному суждению, распространенному мнению или содержанию закона природы; ср.: *Сопротивление воздуха равно нулю*. "Интеллектуальный" (интенциональный) контекст, или экспликация ментальной операции, объектом которой служит такое высказывание в рассуждении, снимает эту неопределенность, например: *Допустим, что сопротивление воздуха равно нулю (Будем считать, что сопротивление воздуха равно нулю) — Итак, мы приходим к выводу, что допущение о том, что сопротивление воздуха равно нулю, неверно*.

Авторефлексивность ментальных перформативов и их способность идентифицировать и квалифицировать (объективировать — для адресата) мыслительные операции делают их важным средством снятия "случайной" неопределенности рассуждения, которая, вообще говоря, в научном тексте должна избегаться. Наложение случайной, субъективной неопределенности на вынужденную, объективную приводит к неоднозначности прочтения текста, его противоречивости или неубедительности, которые будут приписаны рассуждениям автора. Кроме того, с помощью ментальных перформативов автор производит и "самоконтроль" — сверяет свой замысел с формой его воплощения в тексте.

2. Ментальные перформативы и каузальность рассуждения. Ментальные перформативные высказывания осуществляют референцию к "текущему" (рече)мыслительному действию. Это, собственно, и делает их средством синхронизации повествовательного и сюжетного времени в рассуждении. Ср.: "Эти правила иллюстрируются следующими примерами вопрос-ответных соответствий: — *Как меняется цвет лакмусовой бумаги? — Она синеет...*"; "Нужно указать на необходимость различения в этой интерпретации внутреннего и внешнего отрицания" (Рубашкин). Но это же свойство обеспечивает и каузальность научного рассуждения: его восприятие, осознание, понимание и (не)приятие адресатом зависят от того, насколько он смог стать его "участником" — т.е. вовлечься в рассуждение и в "текущее мыслительное действие".

Ментальные перформативы актуализируют мыслительные операции над суждениями текста, что обеспечивается значением перформативной формулы: "Произнося $P(x)$, Я [сейчас] выполняю действие P ". Благодаря такой актуализации адресат имеет возможность следить за ходом мыслей, проверять его и контролировать. Более того, чтобы удостовериться в правильности и убедительности выводов, адресат вынужден выполнять, вслед за автором, его логические шаги, т.е. рассуждать. В этом проявляется импозитивная роль ментальных перформативов [25]. Они приводят в соответствие ход мыслей читателя с ходом мыслей автора, ср.: *Возвращаясь к схеме три, необходимо представить блок объекта как блок автономии* (Ладенко); *В связи с этой аналогией полезно вспомнить, что условие проективности... используется во всех синтаксических анализаторах* (Рубашкин).

Форма множественного числа подлежащего — выраженного или подразумеваемого — в формуле ментальных перформативов также не случайна. Она отражает тот факт, что автор считает субъектом текущей ментальной операции не только себя, но и адресата, ср.: *Таким образом, мы переходим от представления о родовидовой классификации к представлению P* .

Итак, рассуждая, автор "каузирует" адресата проделывать составляющие рассуждения ментальные операции. Поэтому интерпретация перформативных высказываний, идентифицирующих эти операции, будет содержать каузативный

компонент. Ср. интерпретацию перформативов в следующем тексте: *Для примера можно взять ("Я мысленно беру + каузирую адресата мысленно взять") грамматическую конструкцию прилагательное плюс существительное. Достаточно сопоставить ("Я мысленно сопоставляю + каузирую адресата мысленно сопоставить) такие пары: "шаровая молния — шаровая мельница", "порошковый кремний — порошковая металлургия"... чтобы убедиться ("Я убеждаюсь + каузирую адресата убедиться"), что тождество грамматического оформления синтаксической связи отнюдь не гарантирует тождества семантической интерпретации (Рубашкин).*

Серль, а затем и Вандервекен [2], анализируя иллокутивные цели перформативов, вывели ряд схем их взаимодействия с действительностью. В зависимости от направления приспособления различаются схемы "слова — реальность", "реальность — слова", "отсутствие направления". В этом отношении ментальные перформативы как элемент рассуждения отличаются тем, что приводят в соответствие друг с другом ход мыслей автора и ход мыслей адресата.

Каузальность рассуждения имеет еще один аспект: не только "автор — адресат", но и "рассуждение — автор". И это также сказывается на форме ментальных перформативов. Они часто содержат показатели модальности: *(не)следует, необходимо, нужно, можно* и др. В этом отражается "вынужденность" автора следовать логике рассуждения, фактам и другим "объективным обстоятельствам", ср.: *Это позволяет обратить внимание на управление в познавательных процессах...; Можно заметить, что существуют определенные корреляции между отношениями в синтагме и отношениями в парадигме; В связи с этим уместно привести цитату...; Такой подход нельзя считать адекватным.*

3. Собственно метатекстовые функции ментальных перформативов. Собственно метатекстовые функции высказываний вида *Выше мы уже говорили...*, *Ниже мы вернемся к этому вопросу* довольно тривиальны и так или иначе упоминались в различных исследованиях. Вслед за А. Вежицкой они суммированы Ю.Д. Апресяном: «Такие метатекстовые "пометки на полях" направляют осознание текста адресатом по нужному пути, указывают, в каких местах текста следует искать ту или иную информацию, определяют относительную информационную ценность различных его фрагментов. Это — своего рода прагматические инструкции по поводу того, как должно быть распределено внимание адресата при восприятии сообщаемой информации, чтобы она была усвоена оптимальным образом. Хотя метатекстовые элементы нарушают непосредственное семантическое единство текста, они выполняют интегрирующие функции» [13, с. 32—33].

Следить за рассуждением можно, только если оно состоит из связанных между собой мыслей. В этом отношении ментальные перформативы и их дескриптивные ("косвенные") варианты — не главное средство смысловой когезии и действительно равносильны "пометкам на полях". Тем не менее важна их роль в системе метатекстовых средств организации изложения:

(1) Ментальные перформативы, как и другие метатекстовые средства, способны вводить некоторый последующий отрезок текста или квалифицировать предыдущий (ср.: *Никогда не буду писать стихов, Клянусь*), и этим, как отмечалось, снимать возможную неопределенность его интерпретации; они обеспечивают также антиципацию при восприятии текста и эксплицируют референсы в нем.

(2) Ментальные перформативные высказывания допускают дескриптивное употребление, благодаря чему эксплицируют кореферентные и анафорические связи между "событиями сюжета" и "постквалифицируют" их, ср.: *Укажем, что Р... Выше мы уже указывали, что Р; Р — важно... Выше мы подчеркивали, что Р важно.*

(3) В систему метатекстовых средств входят "сигналы очередности" (*во-первых, далее и др.*), показатели связи между фрагментами высказываний (*кстати, короче и др.*), "метаплеоназмы" (*собственно говоря и др.*), "метаорганизаторы" темы (*что касается и др.*), вводные обороты [9], а также целый ряд других маркеров типа *таким образом, тем не менее, как бы то ни было, в заключение, в качестве вывода, ни то, ни другое, теперь, сейчас, здесь, предварительно, более того, помимо X, Y; в этой связи, лишь, итак и мн. др.* [26]. Ментальные перформативные высказывания могут сочетаться с ними (ср.: *Итак, мы приходим к выводу, что P*); заменять их (*Итак, P = Мы приходим к выводу, что P*), вступать с ними в дистантные связи. В этом их организующая роль.

(4) Ментальные перформативы маркируют компоненты рассуждения и потому могут быть использованы при его "пересказе" — реферировании, аннотировании, обзоре и т.п. В неперформативном употреблении глаголы — ментальные перформативы — становятся "маркерами реферативности", ср.: *Рассмотрим проблемы формализации языковых данных в интеллектуальных системах... Обратимся к языковым средствам представления знаний... Опишем логически ориентированный язык... Проиллюстрируем данный подход описанием системы информационного анализа* (отрывок из текста) — В книге рассматриваются проблемы формализации языковых данных в интеллектуальных системах. Основное внимание обращено на языковые средства представления знаний... Описан логически ориентированный язык... Развиваемый подход иллюстрируется опытом разработки системы информационного анализа (из аннотации).

Как видно, аннотация — это перечень "интеллектуальных дел" (операций), которые выполнил в своем рассуждении автор оригинала.

(5) Самой интересной чертой ментальных перформативов на метатекстовом уровне является то, что в тексте они имеют множество перифраз, из которых их легко восстановить, ср.: *Данный раздел посвящен проблеме P = "Я посвящаю данный раздел проблеме P"; обсуждаемые способы изложения P = "Я здесь обсуждаю способы изложения P"; Если обратиться к истории, то первые попытки изучения P... = "Я обращаюсь к истории и нахожу, что первые попытки изучения P..."; Список категорий приводится в таблице 3 = "Я привожу список категорий: Таблица 3"; Нет необходимости останавливаться на общих принципах анализа P = "На данном этапе рассуждения (в контексте настоящего рассуждения) я не вижу необходимости..."; Из этого следует P = "Из этого я вывожу следствие..."*. Этот факт говорит о том, что в рассуждении содержится обычно намного больше "потенциальных" перформативов, чем реально употребленных. Злоупотребление этими средствами, как и любыми другими, нарушает стилистические нормы изложения, но возможность их восстановления свидетельствует о ярко выраженной "субъектности" рассуждения — важнейшего когнитивного процесса, без которого невозможно познание.

Итак, ментальные перформативы — это вид высказываний, произнесение которых равносильно выполнению мыслительной операции в ходе рассуждения. Являясь в нем одновременно и элементами "сюжета", и маркерами изложения, они синхронизируют сюжетное и повествовательное время и структурируют рассуждение, выстраивая его в логическую последовательность "интенциональных" событий. Производя референцию к "текущему" речемыслительному акту, они актуализируют ход мыслей автора и тем самым приводят в соответствие с ним ход мыслей адресата. Субъектом ментальных операций рассуждения выступает не только автор, но и адресат, который вынужден повторять логические шаги автора. Этим объясняется форма мн. ч. подлежащего в формуле ментальных перформативов (или их безличная форма). Каузальность рассуждения проявляется как в

наличии элемента каузации в значении перформативной формулы, так и в ее модализации.

Ментальные перформативные высказывания обеспечивают авторефлексивность рассуждения, идентифицируют и квалифицируют составляющие его ментальные операции, чем снимают возможную смысловую неопределенность текста. В состав ментальных перформативов входит объект мыслительной операции — сентенциальный аргумент, который может вводиться словом *следующий* и/или двоеточием. Обычно он состоит из одного, или нескольких предложений или его/их номинализаций.

Как метатекстовое средство смысловой когезии ментальные перформативы и их дескриптивные варианты являются маркерами повествования и взаимодействуют со всеми другими метатекстовыми компонентами текста, интегрируя его в единое целое. Они имеют в тексте синонимичные (эквивалентные) конструкции, вместе с которыми эксплицируют ярко выраженный "субъектный" характер познавательного процесса, каким является рассуждение. Формировать ментальные перформативные высказывания могут не только иллокутивные глаголы, но и все те, что в переносном значении описывают мыслительные операции и даже состояния. Контекст рассуждения придает им значение ментального действия — логического шага рассуждения.

Ментальные перформативы противостоят социальным. Между ними есть не только сходство, но и существенные различия (см. [27])^{*}.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986.
2. Vanderveken D. Les actes de discours. Liège, 1988.
3. Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и в словаре // ИАН СЛЯ. 1986. № 3.
4. Кодзасов С.В. Перформативность и интонация // Логический анализ языка: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов / Под ред. Арутюновой Н.Д. М., 1989.
5. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago. 1980.
6. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей "Смысл — Текст": Семантика, синтаксис. М., 1974.
7. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
8. Рябцева Н.К. Донаучные научные образы // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста / Под ред. Арутюновой Н.Д. М., 1990.
9. Везибица А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М., 1978.
10. Азнаучева Е.Н. Роль кульминации в организации речевых и музыкальных произведений // Организация речевого произведения и его составляющих. Челябинск, 1988.
11. Retorika w XV stuleciu: Studia nad tradycjami, teorią i praktyką retoryki piętnastowiecznej. Wrocław, 1988.
12. Севобо И.П. Сквозной анализ как шаг к структурированию текстовых знаний // НТИ. Сер. 2: Информационные процессы и системы. 1989. № 2.
13. Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности / Под ред. Арутюновой Н.Д. М., 1988.
14. Костунова И.И. Поэтический синтаксис. М., 1986.
15. Барт Р. Избр. раб.: Семиотика. Поэтика. М., 1989.
16. Zadeh L.A. Precisation of meaning via translation into PRUFF // Cognitive constraints on communication. Dordrecht, 1984.
17. Арнольд И.В. Роль квантования, текстовой импликации и презумпции в семантике поэтического текста // Разноуровневые единицы языка в содержательно-коммуникативной организации текста. Челябинск, 1988.

^{*}Автор выражает глубокую признательность Ю.Д. Апресяну, взявшему на себя труд рецензента первоначального варианта статьи и сделавшему ряд ценных конструктивных замечаний, а также Анне А. Зализняк и Н.В. Васильевой — за доброжелательную и полезную критику.

18. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.
19. Категория определенности/неопределенности в славянских языках. М., 1979.
20. Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М., 1968.
21. Уемов А.И. Аналогия в практике научного исследования. М., 1970.
22. Уемов А.И. Системный подход и теория систем. М., 1978.
23. Мучник Б.С. Человек и текст. М., 1985.
24. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985. С. 223.
25. Leech G.N. Principles of pragmatics. London, 1983.
26. Падучева Е.В. Говорящий: субъект речи, субъект сознания, физическое тело // Концептуальный анализ: Тез. конф. М., 1990.
27. Рябцева Н.К. Мысль как действие, или риторика рассуждения // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992.